

Научная статья

УДК 323.15(470.64) + 32.019.5 + 94:159.953 + 316.346.36:159.953

doi 10.15826/tetm.2023.2.047

Режим памяти в Кабардино-Балкарии: использование нарратива о депортации балкарского народа в региональной политике памяти

Игорь Андреевич Ушпаров

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

igor.usparov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4908-5645>

Аннотация. Статья посвящена изучению региональной политики памяти в Кабардино-Балкарии. В рамках концепта режима памяти было предложено рассмотреть модель использования памяти о депортации балкарского народа через конфигурацию мнемонических акторов и их стратегий. На основе метода исследования случая (case-study) было обнаружено, что в республике формируется раздробленный режим памяти. Это объясняется наличием антагонистической стратегии акторов в борьбе за доминирование нарратива в публичном и символическом пространстве. Местная элита использует память о травме для улучшения политического и экономического статуса группы. Отрицание важной для адыгского народа памяти о Канжальской битве является способом оспаривания доминирующего статуса кабардинцев, а также решения территориальных споров.

Ключевые слова: политика памяти, режим памяти, мнемонические акторы, Кабардино-Балкария, депортация, исторический нарратив

Для цитирования: Ушпаров И. А. Режим памяти в Кабардино-Балкарии: использование нарратива о депортации балкарского народа в региональной политике памяти // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 2. С. 6–15. <https://doi.org/10.15826/tetm.2023.2.047>

Original article

Mnemonic Regime in the Republic of Kabardino-Balkaria: Using the Narrative of the Deportation of the Balkarian People in Regional Memory Politics

Igor A. Ushparov

European university at Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

igor.ushparov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4908-5645>

Abstract. The article studies regional memory politics in Kabardino-Balkaria. By applying the concept of mnemonic regime, the model of using the memory of the deportation of the Balkarian people through the configuration of mnemonic actors and their strategies is considered. It was found that a fractured memory regime is formed in the republic. This is explained by the presence of an antagonistic strategy of actors in the struggle for the dominance of narrative in public space. The local elite use the memory of the trauma to improve the political and economic status of the group. The memory of the Battle of Kanzhal is important for the Adyghe people. But Balkarian actors dispute it. It is a way of challenging the dominant status of Kabardians as well as resolving territorial disputes.

Keywords: memory politics, mnemonic regime, mnemonic actors, the Republic of Kabardino-Balkaria, deportation, historical narrative

For citation: Ushparov, I. A. (2023). Rezhim pamyati v Kabardino-Balkarii: ispol'zovanie narrativa o deportatsii balkarskogo naroda v regional'noi politike pamyati [Mnemonic Regime in the Republic of Kabardino-Balkaria: Using the Narrative of the Deportation of the Balkarian People in Regional Memory Politics]. *Tempus et Memoria*, 4, 2, 6–15. <https://doi.org/10.15826/tetm.2023.2.047>

Измерения региональной политики памяти занимают особое место в *memory studies* [Воронович; Kostyashov, Sergeev; Рязанова, Юрганов; Рвачева; Hasian, Paliewicz; Малинова, Миллер, Пахалюк]. Локальные исторические события составляют основу для борьбы региональных групп за доминирование собственного нарратива. Изучение опыта взаимодействия акторов с коллективной памятью о российском региональном прошлом составляет большой академический интерес, особенно на уровне этнических республик. Группы, испытавшие опыт коллективной травмы, используют исторические нарративы в борьбе за собственную идентичность [Иванеско, Урушадзе, 192]. Акторы применяют различные инструменты политики памяти для закрепления доминирующего положения локальной (этнической) версии прошлого на уровне регионов.

В статье для анализа региональных форм взаимодействия с коллективной памятью я использую концепт «режим памяти». М. Бернхард и Я. Кубик определяют его в качестве

доминирующей модели политики памяти, которая фиксируется во времени и пространстве относительно конкретного исторического нарратива [Bernhard, Kubik, 4]. В рамках акторно-центрированного подхода необходимо рассмотреть конфигурацию мнемонических акторов и их стратегии. Такими акторами в основном выступают политические (общественные) силы, заинтересованные в особом понимании и конструировании прошлого [Малинова, 34]. Региональные элиты, национальные движения, политические партии и другие игроки участвуют в региональной политике памяти с целью закрепления представлений о прошлом не только в публичном и мемориальном пространстве, но и на законодательном уровне.

Та позиция, которую занимает актер, зависит от его личных интересов, а также от институционального контекста [Bernhard, Kubik, 17]. В зависимости от структуры акторов и их стратегий М. Бернхард и Я. Кубик определяют три режима памяти. Раздробленный режим (*fractured*) формируется при наличии

«мнемонических борцов» (*mnemonic warriors*). Здесь происходит политическая борьба акторов за доминирование нарратива в публичном и символическом пространстве. Любые альтернативные взгляды на прошлое игнорируются, а конкурирующие группы выступают в качестве «врагов». В сегментированном режиме памяти (*pillarized*) формируется плюралистическая модель взаимоотношений с коллективным прошлым. В таком случае различные его версии сосуществуют друг с другом, а акторы выбирают компромиссную политику относительно других нарративов [Bernhard, Kubik, 13]. Поэтому при такой модели основными акторами выступают «мнемонические плюралисты» (*mnemonic pluralists*), признающие существование альтернативных версий прошлого. Помимо них в сегментированном режиме присутствуют «отреченцы» (*mnemonic abnegators*), которые не заинтересованы в конфронтации. В консолидированном режиме памяти (*unified*) отсутствуют мнемонические конфликты в целом. Он характеризуется высокой степенью консенсуса относительно прошлого и не требует постоянного пересмотра исторической политики среди акторов [Там же, 17]. Однако при исследовании режимов памяти необходимо учитывать роль внешних факторов, способствующих выбору конкретной стратегии взаимодействия с памятью.

Локальные события являются важной частью поиска региональной идентичности. Особенно это проявляется при анализе коммеморативных практик в разделенных сообществах на Северном Кавказе, где различные этнические группы сосуществуют друг с другом и обладают разными оценками прошлого. В статье анализируется опыт взаимодействия акторов с коллективной памятью в Кабардино-Балкарии. В республике проживают разные этнические и культурные группы, которые конкурируют друг с другом. Основное население составляют кабардинцы (55,59 %), русские (19,32 %), балкарцы (13,37 %), черкесы (2,94 %) и др. После депортации балкарцев в 1944 г. расселение групп в регионе перестало соответствовать этническому принципу. В настоящий момент территориальное устройство республики определяется логикой экономического зонирования, что не удовлетворяет интересам балкарцев.

Помимо экономических и территориальных претензий в регионе закрепляется одновременная коммеморация разных исторических нарративов. Память о депортации балкарского народа сталкивается с процессом конструирования воспоминаний о Кавказской войне и Канжальской битве. Эти события в разной степени закреплены в публичном пространстве региона. Депортация балкарского народа занимает особое место в их коллективной памяти. Местные акторы используют травму в качестве инструмента не только солидаризации этноса, но и актуализации дискуссий относительно вопроса реабилитации, в том числе территориальной. Это служит поводом для конфронтации и мобилизации групп вокруг региональной версии прошлого. Таким образом, анализ модели взаимодействия с коллективной памятью в Кабардино-Балкарии является релевантным и позволяет обнаружить новые измерения использования регионального прошлого в политике памяти.

В большинстве исследований режимов памяти конфигурацию акторов изучают в статичном состоянии на национальном уровне [Langenbacher; Politisc of History...; Мелешкина; Малинова]. Однако попытка рассмотреть данный аспект в российских регионах позволяет лучше изучить инструменты и способы взаимодействия с локальными институтами, а также учитывать способность местных акторов в закреплении конкретной модели использования прошлого [Козлов]. Более того, в реальности конфигурация акторов со временем меняется. Анализ эволюции взаимодействия мнемонических акторов и их стратегий позволяет глубже изучить природу взаимоотношений между группами, а также обнаружить факторы, определяющие региональную модель политики памяти. Для изучения подобных каузальных механизмов необходимо рассмотреть акторов, их стратегии и среду в динамике.

Для анализа режима памяти в Кабардино-Балкарии был использован метод исследования случая (*case-study*). Суть данного подхода заключается в определении конфигурации основных мнемонических акторов и их стратегий по взаимодействию с коллективной памятью о депортации балкарского народа. Более того, поиск основных предположений и факторов, влияющих на выбор в пользу той или иной

стратегии по использованию прошлого, становится ключевым элементом исследования. Для проведения анализа были собраны публикации региональных печатных и электронных СМИ («Кавказский Узел»¹, «Вести Кавказа», «Эхо Кавказа» и «Кавказ Сегодня»), а также данные с экспертного интервью и коммеморативных мероприятий.

Согласно полученным результатам в Кабардино-Балкарии формируется раздробленный режим памяти, в котором основные мнемонические акторы выбирают антагонистическую позицию по взаимодействию с памятью о депортации. На рисунке представлен каузальный механизм, демонстрирующий набор ключевых факторов. Они способствуют выбору антагонистической стратегии использования памяти о депортации среди балкарских акторов.

депортации в качестве основного регионального нарратива.

Балкарская интеллигенция в тот период присоединилась к процессу конструирования национального самосознания, политизируя важные для балкарского народа проблемы [Аккиева, 270]. В центре внимания оказалась попытка оспорить государственный нарратив о депортации, а также изменить систему распределения политической власти и экономических ресурсов в республике. Их основная стратегия заключалась в мобилизации этноса вокруг последствий массовой ссылки и периода частичной реабилитации, которая была несправедлива по отношению к депортированному населению.

К моменту распада СССР акторы применяют антагонистический подход. Теперь балкарская элита и национальные движения

Казуальный механизм формирования режима памяти в Кабардино-Балкарии

В постсоветский период конфигурация мнемонических акторов и их стратегии трансформировалась. Конструирование современной модели взаимоотношений с памятью о депортации балкарского народа начинается еще в период перестройки, когда помимо партийного аппарата формируются первые балкарские национальные движения «Бирлик» и «Ныгъыш». Их основная повестка заключалась в поддержке языковых и культурных особенностей народа. Однако их мобилизационный потенциал и ресурсы повлияли на активизацию политической борьбы за закрепление

требуют условного разделения Балкарии и Кабарды. Кабардинцы обвинялись в поддержке дискриминирующего социального и экономического положения балкарцев [Там же, 272]. Появившееся позже движение «Тёре» (включало в себя членов бывших «Бирлик» и «Ныгъыш») отличалось радикальными представлениями о будущей судьбе Кабардино-Балкарии. Активисты предлагали игнорировать первые выборы президента республики. Поляризация акторов и политизация прошлого стала неотъемлемой частью нового дискурса. Более того, кабардинское движение («Адыгэ Хасэ») в ответ на требования о возвращении балкарских земель и создание паритетной системы распределения власти в регионе поддержали разделение республики

¹ ООО «МЕМО», учредитель регионального интернет-СМИ «Кавказский узел». Внесено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 08.10.2021 г.

по этническому признаку. Битва за политическое доминирование стала восприниматься кабардинцами и балкарцами через призму этнической идентификации и существующих межгрупповых споров, в том числе вокруг прошлого.

Несмотря на попытки политически отделиться друг от друга, балкарские элиты и национальные движения не сформировали институты, которые бы закрепили их новый статус. Эти действия носили исключительно превентивный характер для торгов с федеральным центром и региональной (кабардинской) властью. В. Коков, как президент Кабардино-Балкарии, смог постепенно подавить влияние новых общественных сил для стабилизации ситуации [Казенин, 70]. Постепенно деятельность национальных движений институционально слабеет, а радикализм во взглядах сменяется на лояльность региональной власти [Аккиева, 282]. С. Беппаев, как лидер балкарского национального движения, активно поддержал позицию В. Кокова о сохранении единства республики. Это означало, что попытки национальных движений решить «силовым» методом политический вопрос провалился. Позже, в 1994 г., на региональном референдуме было принято официальное решение о сохранении единой республики в составе России. В 2002 г. С. Беппаев, основывает новое движение — «Алан», которое стало альтернативой радикальным представлениям балкарцев. Поддержка региональных интересов, а не этнических становится ведущей целью нового движения [Казенин, 92].

Помимо балкарской элиты и национальных движений на Северном Кавказе при проведении политики памяти значимую роль играют старейшины. В Кабардино-Балкарии существовал совет старейшин балкарского народа во главе с И. Сабанчиевым, он оставался одним из немногих представителей национализированной стратегии взаимоотношения с памятью о депортации. Через участие в различных памятных и коммеморативных мероприятиях, посвященных годовщине трагических событий 1944 г., старейшины влияли на закрепление нарратива в региональном дискурсе и мемориальном пространстве. К примеру, по их инициативе в Казахстане и Киргизии были установлены памятники и таблички на местах захоронения балкарцев [Делегация из КБР...].

В 2010 г. были осуществлены первые попытки ликвидации совета. Лишь весной 2023 г. удалось окончательно упразднить организацию, а ее лидера И. Сабанчиева обвинить в пропаганде экстремизма [Суд упразднил Совет...].

Давление со стороны региональной власти и раскол внутри балкарского общества на радикальные и лояльные группы привели к проблеме конструирования единой стратегии взаимодействия с прошлым. Принятая система пропорционального представительства в структуре власти и реализация некоторых государственных программ частично решили требования балкарцев. Однако до сих пор в публичном дискурсе наблюдаются запросы о формировании паритетной системы. Итогом стало то, что национальные движения не смогли эффективно взаимодействовать с памятью о депортации. Их основная цель фокусировалась вокруг реализации политических требований в решении вопроса асимметричных взаимоотношений между кабардинцами и балкарцами. Память о депортации народа была и остается инструментом для достижения этих целей.

Таким образом, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. основными мнемоническими акторами, помимо балкарской элиты и интеллигенции, в борьбе за институционализацию памяти о депортации выступали национальные движения и старейшины. Однако со временем будущий раскол привел к снижению степени их влияния на политику памяти. Оставшиеся национальные движения балкарцев («Эльбрусид» и «Барс-Эль») реализуют культурные программы и поддерживают основные коммеморативные мероприятия. Таким образом, в настоящий момент власть республики остается доминирующим игроком, которая активно использует память о депортации в регионе. Стратегия балкарской элиты заключается в антагонизации дискурса и памяти о трагических событиях с целью оспаривания доминирующего статуса кабардинцев в политической и экономической жизни региона. Особенно это проявляется в период празднования годовщин исторических событий у конкурирующей кабардинской группы.

Это объясняется наличием острых территориальных споров между группами, которые не утихают еще со времен депортации 1944 г. Они связаны с наличием специфики экономики

региона и заработком, существующим у разных этнических групп [Казенин, 78]. Территориальные споры влияют на мобилизацию этнической памяти. Процесс окончательного урегулирования конфликта замораживается и отражается в публичном дискурсе. Из интервью Е. Сокирянской следует, что в Кабардино-Балкарии существуют продолжительные дискуссии вокруг некоторых сельских участков земли, активно оспариваемых кабардинцами [Канжальская битва аукнулась...]. Земельные реформы XIX и XX вв. сконструировали неравномерное распределение плодородной земли и пастбищ среди кабардинцев и балкарцев. После распада СССР эти территории формально так и не закреплены за определенной этнической группой, что порождает столкновения за право использования ресурсов и земли.

После возвращения балкарцев в 1957 г. их территория была восстановлена частично. Некоторые балкарские села продолжали оставаться под юрисдикцией кабардинцев. Запрос о возвращении сел остается актуальным для местной элиты и общественности. Особенно это проявляется через дискурс и музейные экспозиции. В рамках одной из выставок на территории Мемориала жертв репрессий балкарского народа представлена карта, на которой отмечены все невосстановленные участки [Мемориал жертв...]. Подобное несправедливое решение, по мнению балкарских акторов, символизирует незавершенность процесса восстановления территории после возвращения балкарцев на свою Родину.

Лидеры балкарских общественных движений демонстрируют озабоченность, связанную с решением проблемы окончательной реабилитации репрессированного народа, в том числе возвращения балкарских сел обратно из кабардинского управления [Участники митинга...]. Существующий запрос присутствует в публичном дискурсе во время коммеморации трагических событий 1944 г. Таким образом, локальные акторы используют нарратив о балкарских селах в качестве инструмента давления на региональную власть с целью пересмотра политики распределения ресурсов.

С наличием фактора территориальных и земельных споров происходит борьба за статус той или иной группы. Д. Горовиц отмечает, что большинство межэтнических конфликтов

является результатом несправедливо распределенных ресурсов [Hogowitz, 101]. Политическая недопредставленность той или иной группы приводит к эскалации конфликта между этническим большинством и меньшинством. Подобная асимметрия проявляется не только в возможностях принимать те или иные политические решения, но и в постепенной их имплементации. Клановая система, сложившаяся на Северном Кавказе, позволяет неформально распределять ресурсы внутри элиты для сохранения политической стабильности в регионе [Sokirianskaia]. В республике кабардинцы составляют этническое большинство, именно поэтому вся политическая и административная власть сосредоточена у них. К примеру, глава республики является представителем именно кабардинского этноса определенного клана. Балкарцы занимают пост председателя правительства, однако обладают ограниченным влиянием на процесс принятия решений.

Территориальный спор вокруг земли также неразрывно связан с дискуссией о наследии Канжальской битвы. Данное событие играет ключевую роль в определении этнической идентичности конкурирующего адыгского народа. В 1708 г. черкесы под руководством кабардинского князя Кургоко Атажукина одержали победу над крымским ханом Каплан-Гирея, что позволило частично освободиться народам современной Кабардино-Балкарии от турецкой и крымской зависимости [Канжальская битва]. Таким образом, для адыгской группы данное событие является отражением мужества и героизма, что влияет на конструирование нарратива об их роли в становлении современной Кабардино-Балкарии. Несмотря на отсутствие оригинальных кабардинских записей о битве, в 2013 г. Институт российской истории РАН подтвердил ее значение. Однако балкарцы отстаивают собственные представления о сражении и его месте в истории края [Свежий порох...]. В частности, среди них распространена практика отрицания обнаруженного места битвы у подножия Эльбруса [Канжальская битва аукнулась...].

К 300-летней годовщине было предложено построить памятники на месте предполагаемого сражения и в городе Нальчике. Однако строительство постоянно откладывалось. Балкарские активисты продолжали отрицать

кабардинский нарратив о битве. У балкарцев существует набор собственных исторических работ, опровергающих факт самого сражения [Канжальское сражение]. Подобные конкурирующие интерпретации исторического события породили серьезные межэтнические столкновения во время ежегодного празднования юбилейной годовщины памяти о битве.

В 2008 г. кабардинские активисты организовали конный поход к горе Канжаль, путь к которой пролегал через балкарские селения. Балкарцы, проживающие на территории с. Кенделен, выступили против этой инициативы. В результате кабардинцы не были пропущены, а балкарские активисты организовали крупный митинг. «Канжальской битвы не было» и «застолбить землю не дадим» стали лейтмотивом балкарских лозунгов [Историки объяснили...]. Это привело к массовым беспорядкам, длившимся на протяжении нескольких дней. Подобный инцидент повторился в 2018 г., когда был организован новый поход.

В 2018 г. на предполагаемом месте исторической битвы была запланирована установка «кинжала», символизирующего на Северном Кавказе принадлежность территории к определенному этносу. Однако в том же с. Кенделен кабардинцы снова столкнулись с сопротивлением со стороны местных жителей. Начались массовые драки между двумя этническими группами в нескольких городах Кабардино-Балкарии, в том числе и в Нальчике. Стихийные митинги, распространившиеся по всей республике, стали ответной реакцией кабардинцев [События в селении...]. Для срочной стабилизации ситуации были введены подразделения Росгвардии и другие представители правопорядка из соседних регионов [Историки объяснили...]. Власти республики продолжительно не комментировали эту ситуацию.

Споры о Канжальской битве ведутся исключительно в контексте территориального вопроса, а не национального. До 1957 г. с. Кенделен принадлежало кабардинцам, но в ходе частичной реабилитации было передано балкарцам. Данное управленческое решение отразилось на постоянном воспроизводстве конфликта не только на символическом уровне, но и на социальном противостоянии групп. Коммеморация Канжальской битвы со стороны кабардинцев — попытка застолбить за собой

территорию, за которую активно борются разные акторы в дискурсивном пространстве. И. Яганов заявляет, что балкарцы, отрицая кабардинский нарратив о Канжальской битве и не пропуская конный поход через свои села, пытаются символически отделить Балкарию от кабардинской ее части [Канжальская битва. Дубль...]. Подобная маркировка территории усиливает антагонизацию между группами. Мемориальные войны вокруг принадлежности этноса к конкретному участку земли вносят существенные осложнения в поиске компромисса между акторами. Выработка единого консенсуса, выраженного в общем мемориальном и дискурсивном пространстве, при отсутствии политических механизмов в консолидации коллективной памяти, приводит к восприятию другого как кровного врага. Конструирование враждебного дискурса вокруг интерпретации события нарушает идеологический консенсус и сильнее маргинализирует враждующие группы [Richardson-Little, Merrill, Arlaud, 1361].

На данный момент региональная элита является доминирующим игроком, который определяет основную модель взаимоотношений с коллективной памятью. Национальные движения и старейшины постепенно утратили свою возможность влиять на интерпретацию депортации и политически противостоять кабардинскому нарративу. Тем не менее на уровне гражданских инициатив (*grass-roots*) наблюдается появление новых игроков, способных работать с памятью о депортации. В частности, в 2018 г. в пос. Псыгансу за счет частных пожертвований была установлена мемориальная плита, символизирующая память о жертвах сталинских репрессий [Памятник жертвам...]. Несмотря на то что памятник транслирует локальную историю небольшого поселка, он определяет степень заинтересованности местных жителей в самостоятельном благоустройстве мемориальной инфраструктуры. Особенно это проявляется на фоне установки бюста И. Сталину в кабардинской части республики. Гражданские инициативные группы способны использовать нарратив о депортации и встраивать его в символическое пространство региона. Тем не менее они также выбирают антагонистическую стратегию использования прошлого.

Как было отмечено выше, в Кабардино-Балкарии формируется раздробленный режим памяти, в котором в основном доминируют антагонистические взгляды на прошлое. Балкарская элита вместе с национальными движениями и старейшинами использовали память о депортации в качестве легитимации требований об улучшении политического и экономического положения народа. Занимая подобную позицию, акторы конкурировали с доминирующим положением кабардинцев в политике, экономике и культуре. Более того, оспаривание важного для адыгской группы нарратива о Канжальской битве является также достаточным основанием для поляризации общества и эскалации конфликтного дискурса во время проведения

коммеморативных мероприятий. При дальнейшем изучении проблемы региональных режимов памяти, как мне кажется, необходимо учитывать набор следующих факторов: наличие доминирующей в политической, социальной и экономической сфере региона контргруппы (контрнарратива); существование территориальных споров и опыта межэтнического противостояния; структура власти и распределение должностей внутри политического истеблишмента, а также роль негосударственных мнемонических акторов. Исследование режимов памяти на региональном уровне дополняет существующую дискуссию о дальнейшей разработке концепта как на теоретическом уровне, так и на методологическом.

Список источников

- Акжиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике. Постсоветский период : дис. ... д-ра ист. наук. М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2002.
- Воронович А. А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. С. 127–143.
- Делегация из КБР установила в Средней Азии памятники умершим во время депортации балкарцам // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/241966/> (дата обращения: 12.04.2023).
- Иванеско А. Е., Урушадзе А. Т. Past Indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 186–190.
- Историки объяснили межнациональный конфликт из-за Канжальской битвы // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/325567/> (дата обращения: 14.04.2023).
- Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М. : REGNUM, 2009.
- Канжальская битва // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/325640/> (дата обращения: 12.04.2023).
- Канжальская битва аукнулась беспорядками в Нальчике // Свободная пресса. URL: <https://svpressa.ru/society/article/211081/> (дата обращения: 05.02.2023).
- Канжальская битва. Дубль два // Эхо Кавказа. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/29507436.html> (дата обращения: 10.02.2023).
- Канжальское сражение. Миф или реальность? // Проза. URL: <https://proza.ru/2020/09/17/775> (дата обращения: 10.01.2023).
- Козлов Д. В. Иркутские режимы памяти об адмирале: практики работы с «колчаковским историческим наследием» // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / отв. ред. В. В. Лапин, А. И. Миллер. М. ; СПб. : Изд-во Европейс. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 120–132.
- Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М. ; СПб. : Изд-во Европейс. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 26–39.
- Малинова О. Ю., Миллер А. И., Пахалюк К. А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 112–136.
- Мелешкина Е. Ю. Возможности качественного сравнительного анализа для исследования политики памяти и ее проявлений // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. С. 54–74.
- Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов // Живой журнал. URL: <https://nalchik360.livejournal.com/1621.html> (дата обращения: 07.02.2023).
- Памятник жертвам репрессий установлен на деньги жителей Кабардино-Балкарии // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/326561/> (дата обращения: 15.04.2023).

Рвачева О. В. Возродить память о казаках: политика памяти и коммеморативные практики казачьего возрождения на Юге России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. С. 304–321.

Рязанова С. В., Юрганов Ф. А. Миф о коми-пермяках в контексте региональной политики памяти // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 132–139.

Свежий порох для Кавказской войны. Историческая дата — предмет дискуссий или повод к переделу мира? // Кавказ сегодня. URL: <https://kavtoday.ru/article/5419> (дата обращения: 13.04.2023).

События в селении Кенделен распространились на другие города Кабардино-Балкарии — СМИ // Вести Кавказа. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/Sobytiya-v-selenii-Kendelen-rasprostranilis-na-drugie-goroda-Kabardino-Balkarii-SMI.html> (дата обращения: 07.02.2023).

Суд упразднил Совет старейшин балкарского народа // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/386874/> (дата обращения: 10.04.2023).

Участники митинга в Нальчике потребовали полной реабилитации балкарцев // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/298883/> (дата обращения: 10.04.2023).

Bernhard M. H., Kubik J. (eds.). *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Hasian M., Paliewicz N. *Memory and Monument Wars in American Cities*. New York, Charlottesville and Montgomery: Palgrave Macmillan, 2020.

Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley. Los Angeles. London: University of California Press, 1985.

Kostyashov Y. V., Sergeev V. V. Regional politics of memory in Poland's Warmia and Masuria // *Baltic Region*. 2018. Vol. 10, № 4. P. 118–131.

Langenbacher E. Changing memory regimes in contemporary Germany? // *German Politics & Society*. 2003. Vol. 21, № 2(67). P. 46–68.

Politics of History in Estonia: Changing Memory Regimes 1987–2009 / M. Wulf et al. // *History of Communism in Europe*. 2010. № 1. P. 245–267.

Richardson-Little N., Merrill S., Arlaud L. Far-right anniversary politics and social media: The Alternative for Germany's contestation of the East German past on Twitter // *Memory Studies*. 2022. Vol. 15, № 6. P. 1360–1377.

Sokirianskaia E. Families and clans in Ingushetia and Chechnya. A fieldwork report // *Central Asian Survey*. 2005. Vol. 24, № 4. P. 453–467.

References

Akkyeva, S. I. (2002). *Razvitiye etnopoliticheskoy situatsii v Kabardino-Balkarskoy Respublike: postsovetkiy period* [Development of the Ethnopolitical Situation in the Kabardino-Balkarian Republic: Post-Soviet Period]. M.: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN.

Bernhard, M. H., Kubik, J. (eds.). (2016). *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press.

Delegatsiya iz KBR ustanovila v Sredney Azii pamyatniki umershim vo vremya deportatsii balkartsam [A delegation from the KBR erected monuments to the Balkars who died during the deportation in Central Asia]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/241966/> (accessed: 12.04.2023).

Hasian, M., Paliewicz, N. (2020). *Memory and Monument Wars in American Cities*. New York, Charlottesville and Montgomery: Palgrave Macmillan.

Horowitz, D. (1985). *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley. Los Angeles. London: University of California Press.

Istoriki ob"yasnili mezhnatsional'nyy konflikt iz-za Kanzhal'skoy bitvy [Historians explained the ethnic conflict due to the Battle of Kanzhal]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/325567/> (accessed: 14.04.2023).

Ivanenko, A. Ye., Urushadze, A. T. (2018). Past Indefinite: istoricheskaya pamyat' i politika na Severnom Kavkaze [Past Indefinite: historical memory and politics in the North Caucasus]. *Novoye proshloye*, 3, 186–190.

Kanzhal'skaya bitva [Kanzhal battle]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/325640/> (accessed: 12.04.2023).

Kanzhal'skaya bitva auknulas' besporyadkami v Nal'chike [The battle of Kanzhal came back to haunt the riots in Nalchik]. URL: <https://svpressa.ru/society/article/211081/> (accessed: 05.02.2023).

Kanzhal'skaya bitva. Dubl' dva [Kanzhal battle. Take two]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/29507436.html> (accessed: 10.02.2023).

Kanzhal'skoye srazheniye. Mif ili real'nost'? [Kanzhal battle. Myth or reality?]. URL: <https://proza.ru/2020/09/17/775> (accessed: 10.01.2023).

Kazenin, K. (2009). «Tikhiye» konflikty na Severnom Kavkaze: Adygeya, Kabardino-Balkariya, Karachayev-Cherkessiya [“Quiet” conflicts in the North Caucasus: Adygea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia]. Moscow, REGNUM.

Kostyashov, Y. V., Sergeev, V. V. (2018). Regional politics of memory in Poland's Warmia and Masuria. *Baltic Region*, Vol. 10, 4, 118–131.

Kozlov, D. V. (2021). Irkutskiy rezhim pamyati ob admirale: praktiki raboty s «kolchakovskim istoricheskim naslediyem» [Irkutsk Mnemonic Regime of the Admiral: Practices of Working with the “Kolchak Historical Heritage”]. *Simvolicheskiye aspekt politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope*. Ed. by V. V. Lapin, A. I. Miller. Moscow-SPb: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 120–132.

Langenbacher, E. (2003). Changing memory regimes in contemporary Germany? *German Politics & Society*, Vol. 21, 2 (67), 46–68.

Malinova, O. Yu. (2020). Rezhim pamyati kak instrument analiza: problemy kontseptualizatsii [Mnemonic Regime as an Analysis Tool: Problems of Conceptualization]. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy*. Ed. by A. I. Miller, D. V. Yefremenko. Moscow–SPb: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 26–39.

Malinova, O. Yu., Miller, A. I., Pakhalyuk, K. A. (2022). Regional'nyy aspekt politiki pamyati v Rossii [Regional aspect of memory policy in Russia]. *Novoye proshloye*, 2, 112–136.

Meleshkina, Ye. Yu. (2018). Vozmozhnosti kachestvennogo sravnitel'nogo analiza dlya issledovaniya politiki pamyati i yeye proyavleniy [Possibilities of qualitative comparative analysis for the study of the politics of memory and its manifestations]. *Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr.* / ed. by A. I. Miller, D. V. Yefremenko. Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 54–74.

Memorial zhertv politicheskikh repressiy 1944–1957 godov [Memorial to the victims of political repressions of 1944–1957]. URL: <https://nalchik360.livejournal.com/1621.html> (accessed: 07.02.2023).

Pamyatnik zhertvam repressiy ustanovlen na den'gi zhiteley Kabardino-Balkarii [The monument to the victims of repression was erected with the money of the residents of Kabardino-Balkaria]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/326561/> (accessed: 15.04.2023).

Politics of History in Estonia: Changing Memory Regimes 1987–2009 (2010) / M. Wulf et al. *History of Communism in Europe*, 1, 245–267.

Richardson-Little, N., Merrill, S., Arlaud, L. (2022). Far-right anniversary politics and social media: The Alternative for Germany's contestation of the East German past on Twitter. *Memory Studies*, 15, 6, 1360–1377.

Rvacheva, O. V. (2020). Vozrodit' pamyat' o kazakakh: politika pamyati i kommemorativnyye praktiki kazach'yego vozrozhdeniya na Yuge Rossii [Reviving the memory of the Cossacks: the politics of memory and commemorative practices of the Cossack revival in the South of Russia]. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy* / ed. by A. I. Miller, D. V. Yefremenko Moscow-SPb: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 304–321.

Ryazanova, S. V., Yurganov, F. A. (2019). Mif o komi-permyakakh v kontekste regional'noy politiki pamyati [The Myth of the Komi-Permyaks in the Context of the Regional Politics of Memory]. *Vestnik arkheologii i antropologii i etnografii*, 2 (45), 132–139.

Sobytiya v selenii Kendelen rasprostranilis' na drugie goroda Kabardino-Balkarii — SMI [Events in the village of Kendelen spread to other cities of Kabardino-Balkaria — media]. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/Sobytiya-v-selenii-Kendelen-rasprostranilis-na-drugie-goroda-Kabardino-Balkarii-SMI.html> (accessed: 07.02.2023).

Sokirianskaia E. (2005). Families and clans in Ingushetia and Chechnya. A fieldwork report. *Central Asian Survey*, 24, 4, 453–467.

Sud uprazdnil Sovet stareyshin balkarskogo naroda [The court abolished the Council of Elders of the Balkar people]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/386874/> (accessed: 10.04.2023).

Svezhiy porokh dlya Kavkazskoy voyny. Istoricheskaya data — predmet diskussiy ili povod k peredelu mira? [Fresh gunpowder for the Caucasian war. Historical date — a subject of discussion or a reason for the redistribution of the world?]. URL: <https://kavtoday.ru/article/5419> (accessed: 13.04.2023).

Uchastniki mitinga v Nal'chike potrebovali polnoy reabilitatsii balkartsev [Participants of the rally in Nalchik demanded the complete rehabilitation of the Balkars]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/298883/> (accessed: 10.04.2023).

Voronovich, A.A. (2018) Internatsionalistskiy separatizm i istoricheskaya politika v nepriznannykh respublikakh Pridnestrov'ya i Donbassa [Internationalist Separatism and Historical Politics in the Unrecognized Republics of Transnistria and the Donbass]. *Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr.* / ed. by A. I. Miller, D. V. Yefremenko Moscow-SPb: Nestor-Istoriya, 127–143.

Сведения об авторе

Ушпаров Игорь Андреевич, соискатель ученой степени кандидата политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Information about the author

Igor A. Ushparov, Applicant for a Degree Candidate of Political Sciences. European University at Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию 27.07.2023;
одобрена после рецензирования 04.09.2023;
принята к публикации 01.10.2023

The article was submitted 27.07.2023;
approved after reviewing 04.09.2023;
accepted for publication 01.10.2023